

ДВ 92.7 + 63.3(2)6229431

М64

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Обязательный
экземпляр
Хабаровского края

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УРОКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

ДВ
кхз

Материалы Всероссийской научной конференции
(Хабаровск, 21–22 мая 2015 г.)

Под редакцией
М.П. Арутюнян, О.А. Рудецкого

3546291

ДВ государственная
научная библиотека

Хабаровск
Издательство ДВГУПС
2015

Многочисленные учения по проверке боеспособности частей МО РФ, регулярно проводимые в 2013–2015 гг., позволяют предполагать, что преимуществом в развертывании, по всей видимости, будет обладать Россия. Исход такого противостояния спрогнозировать сложно. Но категорическое нежелание и неготовность большинства стран Европы участвовать в военном сценарии делает саму возможность масштабных боевых действий маловероятной. Однако, в экономическом пространстве, вне всякого сомнения, конфликт продолжится вплоть до поражения одной из сторон.

Список литературы

1. Исмаилов, Р. Планирование на войне: знак Порядка // А. Филиппа, Г. Фриснер. Проигранные сражения. – М. : АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2002.
2. Клаузевиц, К. фон. О войне / К. фон Клаузевиц. – М. : ЭКСМО, 2007.
3. Лиддел Гарт, Б.Г. История Второй мировой войны / Б.Г. Лиддел Гарт. – М. : АСТ, 2012.
4. Лиддел-Гарт, Б.Г. Энциклопедия военного искусства / Б.Г. Лиддел Гарт. – М. : АСТ; СПб. : Terra fantastica, 2000.
5. Переслегин, С.Б. Этика войны и непрямые действия / С.Б. Переслегин, Р.А. Исмаилов. – URL: <http://bobtenelli.dreamwidth.org/11654.html>
6. Сунь Цзы. Искусство войны / Сунь Цзы. – М. : АСТ, 2015.

УДК 130.2: 94(091)

Песков В.М.*, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

«СУД ВРЕМЕНИ» И ПРАВДА ИСТОРИИ (НЕЙТРАЛИТЕТ ПО-МИЛИТАРИСТСКИ)

Статья посвящена проблемам переосмысления исторического опыта в свете современных оценок событий и итогов Второй мировой войны.

Ключевые слова: история, Вторая мировая война, историческая объективность, военная политика.

Выступая в Совбезе ООН в конце февраля 2011 г., С. Лавров с горечью посетовал, что в последнее время видные политические деятели ведущих мировых держав, вопреки историческим фактам, весьма тенденциозно

* Песков Владимир Михайлович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

стали трактовать итоги Второй мировой войны. (Речь шла об активной поддержке американской дипломатией претензий Японии на так называемые «северные территории»). Главу МИД РФ можно понять и поддержать, если не вспомнить, что значительную лепту в поддержку измышлений наших сегодняшних «политических партнёров» в искажении исторической действительности, внесли его соотечественники, в том числе так называемые «историки-профессионалы» типа Н. Сванидзе, Л. Млечина и К^о, устроившие политическое шоу – «суд времени» над российской и особенно советской историей. Судьи «убедительно и доказательно» втолковывают, что победа Советского Союза в Великой Отечественной и Второй мировой войнах – случайная неожиданность, страна была замордована и не готова к вызовам тогдашнего времени в результате антинародной политики тоталитарного режима, что советские полководцы были ущербные (не чета германским!), что Главком И. Сталин никакой роли в организации победы не сыграл, вместо него мог быть любой – С. Караганов – что в войне победил народ вопреки его воле и действий и т.д. Характерно, что современным «судьям времени» широко представлены телевизионные экраны, трансляция «суда» протекала в самое смотрительное время, а самые политико-ангажированные проблемы давались в повторе. Значит, как говорил ныне не популярный советский поэт, «это кому-нибудь нужно».

Прискорбно то, что тенденциозные оценки исторического прошлого современных «судей времени» просят высказывания ключевых деятелей сегодняшней политической элиты (и это даже накануне очередной годовщины Победы).

Приёмы, используемые «судьями времени» и их ангажированными сторонниками, не новы. Известно, что клевета живуча. И не случайно, что именно этот приём в историческом прошлом избрала своим оружием защита японских военных преступников на Токийском процессе, пытаясь доказать, что Япония всю войну неуклонно соблюдала нейтралитет в отношении СССР, отклоняя все просьбы Германии напасть на Советский Союз, который, однако, не посчитавшись с этим, в августе 1945 г., нарушив пакт о нейтралитете, сам напал на Японию. Поэтому предъявлять подсудимым обвинение в агрессии против СССР несправедливо.

Прошло 65 лет со дня работы Международного военного трибунала, давшего оценку событиям того времени. Но эта клевета живёт на страницах зарубежной, да и отечественной историографии. Она даже нашла отражение в монументальной скульптуре. В Японии, на вершине горы Микэнояма, у подножия которой расположен г. Нагоя, высится внушительный памятник «национальным героям, павшим во имя великой Японии». Кто же

эти герои? Это семь самураев-«мучеников», казнённых по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока. За что же они приняли мученическую смерть? Надпись на памятнике гласит: их осудили, так как Япония «потерпела поражение в войне вследствие применения американцами атомной бомбы, нарушения Советским Союзом договора о нейтралитете, а также из-за нехватки необходимых материалов». Надпись заканчивается патетическим призывом: «Обратим же наши взоры в даль Тихого океана и подумаем, кто ответствен за войну».

Обратим и мы наши взоры на ту острейшую политическую полемику, которая разгорелась по данной проблеме между защитой и обвинением японских военных преступников, и уясним, где истина, какова была оценка Международного суда и в чём суть клеветнических измышлений сегодняшних обвинителей СССР в агрессии.

Главный защитник японских военных преступников американский адвокат Блэрни утверждал, что хотя Советский Союз 5 апреля 1945 г. денонсировал пакт, это лишь означало, что его действие не продлевается на следующие пять лет. Что же касается обязательства о нейтралитете, то оно продолжало действовать до истечения срока, т.е. до 13 апреля 1946 г. Между тем Советский Союз объявил войну Японии 9 августа 1945 г. и, следовательно, грубо нарушил пакт о нейтралитете. Заявление Блэрни является основой для сегодняшних отечественных обвинителей СССР в агрессии против Японии.

Блэрни и его сторонники японские адвокаты Удзава, Такаянаги, Ямаока, пытаясь дать бой обвинению, уделили много внимания теоретическим вопросам международного права. Но что примечательно: ни один из них не пожелал подвергнуть международно-правовому анализу в целом советско-японский пакт о нейтралитете. Все они ограничились ссылкой на статью третью этого договора. Дело в том, что анализ пакта в целом, как и анализ исторических событий, которые привели СССР к войне на Дальнем Востоке, не сулили защите ничего хорошего.

Напомним, Москва в свое время отклонила предложение главы МИДа Японии Мацуока заключить пакт о ненападении как более узкий, регулирующий только взаимоотношения между двумя странами. Взамен советское руководство выдвинуло проект пакта о нейтралитете, придав ему широкий международный диапазон. Эта идея была заложена в статье второй пакта, где говорилось: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Дело в том, что

эта статья противоречила обязательствам Японии по «пакту трёх» (Берлин, Рим, Токио), вбивая, так сказать, дипломатический клин во взаимоотношения агрессоров. Советский Союз, заключая пакт, твёрдо знал, что он ни на кого не нападёт. Статьей второй он как бы предупреждал своего партнёра: если Япония станет объектом военных действий, или, что то же самое, объектом нападения со стороны каких-либо держав, СССР сохранит строгий нейтралитет. Но если Япония сама нападёт на кого-нибудь, Советский Союз будет свободен от обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете.

Известно, что в декабре 1941 г. Япония без объявления войны напала на США и Великобританию, ставших к тому времени союзниками СССР. Токийское правительство, подготовив и развязав серию агрессивных войн, стало, говоря юридическим языком, субъектом международного преступления, что в силу статьи второй пакта о нейтралитете, освобождало СССР от всех обязательств по данному договору.

СССР в этот момент сам переживал наиболее трудный период войны с гитлеровской Германией. Тем не менее, даже тогда действия токийских политиков получили недвусмысленную оценку. Орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» заявила в декабре 1941 г.: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома». Правительству Японии ясно дали понять, что своими агрессивными действиями оно не только перешагнуло границы ряда суверенных государств, но и вышло за жесткие, точно очерченные пределы советского нейтралитета на Дальнем Востоке, пределы, определённые статьёй второй советско-японского пакта от 13 апреля 1941 г.

Кроме того, обвинение предъявило суду многочисленные доказательства, подтверждавшие, что Токио после начала германо-советской войны больше не считало себя связанным пактом о нейтралитете и в своих взаимоотношениях с СССР систематически и грубо нарушало этот договор. Доказательства были настолько многочисленными и убедительными, что опровергнуть защите оказалось не под силу.

Тогда адвокатами защиты было выдвинуто следующее возражение: «Обвинение утверждает, что нарушение пакта Японией освобождало Советский Союз от взятых им обязательств. Но для этого нужно представить доказательства, что СССР знал об этих фактах до того, как он сам дал себе право совершать действия, нарушающие нейтралитет».

Обвинению не потребовалось особого труда для того, чтобы опровергнуть домыслы защиты. Агрессия Японии против США и Великобритании сама по себе освобождала СССР от обязанности соблюдать нейтралитет,

а об этом факте знало не только советское правительство, но и весь мир в декабре 1941 г. Суду было представлено заявление Мацуока в Берлине 28 марта 1941 г. на встрече с Риббентропом о том, что в случае конфликта Германии и СССР Япония нападёт на Россию и тут не поможет никакой пакт о нейтралитете. На третий день германо-советской войны посол СССР Сметанин задаёт Мацуока вопрос: «будет ли Япония сохранять нейтралитет» и получает ответ: «основой внешней политики Японии служит "пакт трёх"». Поэтому если он вступит в противоречие с пактом о нейтралитете, то последний не будет оставаться в силе».

Были приведены и другие свидетельства. Таким образом, ещё до агрессии Германии и в первые дни её нападения Москва из самых достоверных источников знала, что токийское правительство считало пакт о нейтралитете простым клочком бумаги.

В ответ защита заявила, что подобные сведения отражают личную точку зрения Мацуока, но её отверг кабинет министров. Обвинению не составило особого труда доказать, что японские правящие круги того времени тоже ни во что не ставили пакт о нейтралитете и расходились с Мацуока только в одном: он требовал немедленного нападения на Советский Союз, большинство же, соглашаясь с ним, полагало, что развитие германо-советской войны ещё не достигло такой стадии, когда агрессия станет для Токио наиболее эффективной и потребует для этого наименьшего количества жертв. В доказательство этого главный обвинитель цитирует извлечение из протокола секретного совещания высших японских государственных деятелей в присутствии императора от 2 июля 1941 г., где говорилось: «Хотя наши отношения к советско-германской войне определяются духом «сио» Рим-Берлин-Токио, мы, однако, некоторое время не будем вмешиваться в неё, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. И если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения северной проблемы и этим обеспечим стабильность положения в северных районах». Личный секретарь и советник премьера Коноэ – Хоцуми Одаки, ближайший соратник Р. Зорге, немедленно сообщил ему всё, что было решено на этом совещании, и Зорге немедленно сообщил об этом в Москву.

Таким образом, уже в июле 1941 г. советское руководство точно знало, как выше японские круги оценивают пакт о нейтралитете.

Кстати, летом 1941 г. официальные японские лица подтверждали, что Москва хорошо знает, как Япония, нарушая нейтралитет, готовит агрессию. В частности, генерал Ямамото в беседе с германским послом Оттом

1 августа 1941 г. заявлял: «Япония значительно усилила свой нажим в пользу стран «оси». Под этим углом зрения надо рассматривать мобилизацию, которая производится с намерением уничтожить русские вооружённые силы на Дальнем Востоке. Советское правительство официально умалчивает об этом, однако, по достоверным сведениям, следит за мобилизацией с возрастающей тревогой.

А как же быть с проблемой соблюдения международного права по соблюдению пакта о нейтралитете? Ответ содержался в заявлении премьер-министра Тодзио 18 августа 1943 г. на заседании исследовательского комитета при Тайном совете: «Международное право должно истолковываться с точки зрения ведения войны в соответствии с нашими интересами».

МИД Японии летом 1941 г. пребывал под сильным впечатлением успехов Гитлера, причём настолько сильным, что деловито обсуждал вопрос, как найти удобный предлог, чтобы спровоцировать войну против СССР. В частности, германский посол Отт сообщал 1 августа 1941 г. о том, что генерал Ямамото предлагал вопреки соглашению о нейтралитете предъявить СССР такие требования территориальных уступок, которые бы тот не смог принять. В беседе с германским и итальянским послами 15 августа 1941 г. генерал Тоёда разъяснял им, как Токио понимает советско-японский пакт о нейтралитете: «Это лишь временная договорённость ... своего рода сдерживающее начало для Советского Союза, до тех пор, пока не будет закончена подготовка».

Вынужденно отступая перед лицом неопровержимых доказательств, защита избрала другую линию обороны. Соглашаясь с тем, что подобные высказывания японских генералов были известны Москве, представители защиты заявили, что это только слова, только намерения, выражаясь юридическим языком – «чистый умысел». Но мысли, как бы они не были преступны, не могут служить поводом для уголовного преследования. Защита потребовала предъявить суду такие действия, которые могли бы рассматриваться как подлинное нарушение нейтралитета или хотя как конкретная подготовка к такому нарушению. «Устав делает наказуемыми войны, а не агрессивные намерения! ... Он предусматривает наказание за войну, войну агрессивную!» – возмущались адвокаты защиты, ссылаясь на устав Трибунала.

Выводя подобный тезис, защита умышленно «забыла» о внезапном нападении на Пёрл-Харбор, Гонконг, а это были не слова, а законченные акты агрессии, которые уже сами по себе освобождали СССР от обязанности хранить нейтралитет. К тому же советские обвинители представили Трибуналу доказательства обширных военных приготовлений, проведённых Японией после начала советско-германской войны. Заранее полагая,

что защита будет утверждать, будто эти меры носили оборонный характер, советские обвинители обратили внимание Трибунала на то, что в этот период у Японии не было абсолютно никаких оснований опасаться нападения со стороны Советского Союза. Свидетельством этому были заявления японских военных и политических деятелей. Так, в приказе командующего объединённым флотом Японии Ямамото (однофамилец зам. министра иностранных дел) от 1 ноября 1941 г. говорилось: «Если империя не нападёт на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнёт военные действия». И ещё, премьер и военный министр Тодзио, выступая 8 декабря 1941 г. на Тайном совете, отмечал: «Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юге». Медвежью услугу защите оказал кадровый офицер, опытный генштабист, посол в Германии и подсудимый на процессе Хироси Осима. В беседе с Риббентропом 18 апреля 1943 г. он разъяснял ему: «Одно неоспоримо: уже двадцать лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию, и всё снова направлено на это наступление».

Однако обвинение не смогло предъявить Трибуналу планы японского генштаба, предусматривавшие агрессию против СССР – ни план «Оцу», ни спешно составленный после нападения Германии на СССР план «Кантокуэн», а также и новый аналогичный план 1942 г. Причину раскрыл в своих показаниях генерал-лейтенант Торасиро Кавабэ, который с апреля по октябрь 1945 г. служил помощником начальника генерального штаба Умэдзу: «Все секретные и совершенно секретные документы японского генерального штаба были сожжены в Токио после 13 августа 1945 г. (после принятия решения о капитуляции – В.П.). Среди сожжённых документов – мобилизационные планы, планы военных операций, документы, относящиеся к ведению войны, так же все протоколы Высшего военного совета». Японские милитаристы учли печальный опыт немецких военных преступников и заматали следы.

Но у обвинения оказалось достаточно свидетелей – японских военных, которые знали и реализовывали содержание сожжённых документов и нашли в себе мужество рассказать об этом Трибуналу. Среди них был генерал-лейтенант Кусаба Тацуми, который реализовывал план «Кантокуэн», будучи в 1942–1944 гг. командующим 4-й армии второго фронта, входившего в Квантунскую группу войск. Свидетелем наличия указанных военных планов стал бывший работник оперативного отдела штаба Квантунской армии, в 1940–1944 гг. сотрудник оперотдела японского генштаба Рюдзо Сэдзима. В распоряжении Трибунала была фотокопия распоряже-

ния генерала Умэдзу от 16 сентября 1941 г., в котором говорилось: «Необходимо провести дополнительную подготовку переводчиков русского языка во всех школах иностранных языков в Японии, а также в Харбинском университете для использования в качестве военных переводчиков с начала осуществления плана «Кантокуэн».

Подробно о содержании плана «Кантокуэн» рассказал Трибуналу генерал Сэйити Кита, в 1941–1944 гг. он командовал одним из соединений Квантунской армии, а с октября 1944 г. был командующим первым фронтом этой же армии. Говоря о боевых задачах, поставленных планом, генерал свидетельствовал: «Наступательным планом предусматривался захват всего Дальнего Востока до озера Байкал». И далее свидетель резюмирует: «Такой же в общих чертах план нападения на Советский Союз был составлен японским генеральным штабом совместно со штабом Квантунской армии на 1942 г. ...Только в силу затруднительного положения, в которое попала Япония на фронтах великой восточноазиатской войны, осуществить ей этот план не удалось».

В распоряжение Трибунала были представлены многочисленные документы, которые давали возможность оценить размах и интенсивность военных приготовлений Японии к нападению на СССР. В них, в частности, отмечалось, что в конце 1941 – начале 1942 гг. почти половина сухопутных войск Японии и почти третья часть авиации была сконцентрирована в Маньчжурии и Корее. Стремление защиты уверить, что все эти явно агрессивные военные планы и приготовления имели целью «стратегическую оборону» не были доказательны и были опровергнуты. Советский Генштаб передал Трибуналу документ, который свидетельствовал: «Расположение и характер укрепления районов носили ярко выраженный наступательный характер, так как все они имели малую глубину и строились на границе в полосе операционных направлений, ведущих к важным оперативным объектам, находившимся на советской территории».

Таким образом, говоря юридическим языком, в нарушение нейтралитета Япония провела такие действия, которые должны были рассматриваться как законченное покушение на агрессию против СССР. Это покушение не переросло в агрессивную войну по причинам, от подсудимых не зависящих. В СССР тогда уже знали всё.

В подобной патовой для защиты и подсудимых ситуации адвокат Блэрни прибег к неожиданному аргументу, заявив: «...Разве молниеносный разгром, который Советская Армия учинила Квантунской армии в августе 1945 г., не лучшее доказательство, что все проведённые Японией ... в 1941–1942 гг. военные мероприятия носили ярко выраженный характер

стратегической обороны? Разве этот разгром не лучшее подтверждение, что эти мероприятия были не только необходимы, но и совершенно недостаточны?» Однако тезис Блэрни был опровергнут свидетелем защиты, кстати, допрошенному по просьбе того же Блэрни, генерал-майором армии США Дином, который показал: «На Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. маршал Сталин... заявил, ...что пока в Сибири имеются достаточно русских войск для оборонительных мероприятий, но их нужно будет увеличить втрое перед тем, как можно будет начать наступление». Теперь известно, какую гигантскую переброску войск и техники с запада на восток потребовалось провести за три месяца, последовавших за капитуляцией Германии и предшествовавших объявлению Советским Союзом войны Японии.

Японское руководство во второй половине 1941 г. и начале 1942 г. считало агрессию против СССР делом настолько близким и реальным, что детально разработало планы по управлению оккупированными территориями и разграничения сферы влияния за Уралом между третьим рейхом и Японией.

Правда, большую часть документов в Токио успели сжечь. Однако аналогичные документы сохранились в сейфах двух организаций: общества по изучению государственной политики «Кокусаку кэнкюкай» и «Института тотальной войны», которые управлялись и финансировались непосредственно кабинетом министров. Пи обысках в этих учреждениях был найден «План управления территориями великой Восточной Азии», относящийся к декабрю 1941 г. В документе говорилось: «Будущее советской территории. Этот вопрос будет разрешён японо-германским соглашением: в настоящее время его решить трудно. Тем не менее, Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи, и районы, прилегающие к Маньчжурской империи, будут включены в её сферу влияния. Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске».

В соответствии с этим предусматривалось, что «в рациональные границы сферы сопроцветания» входят «районы восточной части СССР, включая озеро Байкал и Внешнюю Монголию». Западная часть Советского Союза отдавалась третьему рейху.

Так в «нейтральном» Токио в декабре 1941 г. по заданию правительства разрабатывались планы полного уничтожения СССР, раздела его территорий между Японией и Германией. В одном из разделов «плана управления» говорилось: «Через четыре месяца после оккупации послать воо-

ружённых колонистов, которым поручить снабжение армии необходимыми овощами и другими продуктами, и, с другой стороны, с помощью этих колонистов расширять влияние Японии».

В другой разработке существовал раздел о «мерах предотвращения концентрации в Сибири славян, изгоняемых из европейской части России». Предусматривалось принудительное переселение советских людей, депортированных нацистами, в самые отдалённые и необжитые районы.

В «сводных исследовательских записках» военного ведомства за 1943 г. содержались и детально разработанные «мероприятия по управлению Сибирью, включая Внешнюю Монголию». Здесь предусматривалось: «В оккупированных районах должна быть введена военная администрация. ... Объявляются полностью недействительными прежние законы. Это делается простым и сильным военным приказом. ... Местные жители в принципе не принимают участия в политике. Если необходимо, предоставляется минимальное самоуправление. ... Если это необходимо в интересах обороны государства и из соображений экономики – проводится переселение японцев, корейцев, маньчжур. В соответствии с необходимостью проводится принудительное переселение местных жителей. ... Жители Северного Сахалина закрепляются в качестве рабочей силы для разработки рудных ресурсов».

Таким образом, под действие оккупационного режима попадали все дальневосточные территории Советского Союза и значительная часть Сибири. Таковы были планы «нейтралитета» по-японски.

Итак, Япония нарушила пакт о нейтралитете, напад на союзников СССР. В нарушение нейтралитета она широко готовила агрессию против Советского Союза, и если вторжение не осуществилось, то причина была одна – военные поражения нацистов.

Но были и другие факторы нарушения нейтралитета. Токио вёл военный и промышленный шпионаж в пользу своего берлинского союзника, причем с первых дней войны до его капитуляции. Свидетель генерал-майор Манумура, работавший с октября 1942 г. до августа 1943 г. начальником русского отделения генштаба, показал, что он систематически передавал в 16-е (германское) отделение для полковника Кречмера, германского военного атташе в Токио, сведения о силах Красной Армии, о дислокации её частей на Дальнем Востоке, о военном положении СССР.

Бывший помощник германского военного атташе Петерсдорф показал, что сфера японского шпионажа не ограничивалась Дальним Востоком: «В 1942 г., – свидетельствовал он, – мы получили точную информацию о переброске русских войск из района Хабаровска на русско-германский

фронт. ... В июне 1942 г. была получена точная информация о концентрации войск в районе западнее Тамбова и в районе Сталинграда. В октябре мы получили информацию о передвижении русских войск и резервов в районе Кавказа. В августе ... информацию о ежемесячном производстве бронеснаряжения в России». Сведения военного характера японское посольство в Берлине получало с 1941 по 1945 гг. от послов в Москве Татэкава и Сато в виде зашифрованных телеграмм, которые затем советник Касахара обрабатывал, переводил на немецкий язык и передавал германскому министерству иностранных дел.

Истинный характер своего «нейтралитета» Япония продемонстрировала и в отношении организации судоходства на Дальнем Востоке. 25 августа 1941 г., когда Япония ещё не была воюющей стороной, японцы сделали Советскому руководству официальное заявление, в котором указывалось, что прибытие во Владивосток грузов из США создаёт для Японии «затруднительное и весьма деликатное положение». Вскоре японское руководство закрыло Сангарский пролив – наиболее удобный и кратчайший путь в Тихий океан для советских судов. Следовать через пролив Лаперуза японцы разрешали только днём, зачастую подвергая советские суда атакам подводных лодок. В результате, как было установлено на процессе, десять советских кораблей было потоплено японскими вооружёнными силами.

Был ещё один вопрос, по которому защита намеревалась дать бой обвинению. С этой целью суду представлялись новые документальные доказательства, выкачивались дополнительные показания у подсудимых, допрашивались новые свидетели. Вооружившись добытыми данными адвокат защиты Блэнки попытался доказать Трибуналу, что поскольку Япония обращалась к СССР с просьбой о посредничестве в окончании тихоокеанской войны, то это, дескать, свидетельствует об отсутствии у неё агрессивных планов против Советского Союза. Значит, утверждал Блэнки, «Япония была далека от мысли планировать агрессивную войну ... она готова была пойти на большие жертвы для достижения мира». Началась фаза защиты, посвящённая токийскому «миротворчеству» и «неблагодарному» Советскому Союзу.

Разгром немцев под Сталинградом и на Курской дуге, выход Италии из войны и первые серьёзные неудачи самих японцев в тихоокеанской войне пробудили у тогдашнего министра иностранных дел Мамору Сигэмицу «миротворческий дух», но весьма своеобразного рода. Цель его состояла в расколе антигитлеровской коалиции путем заключения сепаратного мира между Москвой и Берлином, тем самым улучшить перспективы войны с США и Великобританией. Суть этого «замысла» была настолько ясна, что

Советский Союз, верный принципу неуклонного соблюдения обязательств, даже не пожелал обсуждать это предложение.

В сентябре 1944 г. в Токио замечались, и у Сигэмицу вновь появилось непреодолимое желание мира. Послу Японии Осима было поручено встретиться с Гитлером, чей рейх терпел жесточайшие поражения, и предложить отнюдь не почётный для Германии сепаратный мир с СССР. Фюрер отклонил японское предложение. В памятной записке МИДа Германии, предъявленной Трибуналу, говорилось так: «На вопрос посла Осима, изменились ли цели войны Германии против Советской России, фюрер ответил, что Сталин не просил начать переговоры о мире, когда немецкие войска были на Дону, и этой же позиции придерживается Германия в настоящих условиях».

Поняв полную обречённость берлинских союзников, японское руководство решило само искать выход из надвигавшейся катастрофы, о чём свидетельствовал протокол совершенно секретного совещания под председательством Сигэмицу от 12 сентября 1944 г., переданный Трибуналу: «Ввиду сложившейся обстановки, – говорилось в нём, – Япония должна немедленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, целью которого будет обеспечить сохранение нейтралитета и улучшения дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из настоящей войны. Для этой цели в Советский Союз для ведения переговоров должен быть направлен специальный представитель».

Сигэмицу стремится по мере возможности осуществления следующих целей: «Продления или заключения пакта о нейтралитете. Для этой цели должны быть заключены следующие соглашения либо вместо пакта о нейтралитете, либо параллельно с ним: а) подтверждения обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете, или соглашение о продлении действия этих обязательств; б) пакт о ненападении ...». В предложении главы МИДа Японии явственно звучит голос нечистой совести подлинного нарушителя договора: срок действия пакта истекал почти через два года, чего ради спешит Сигэмицу? Понимая это, он готов идти на другие уступки:

«1. Разрешение на проход у пролива Цугару.

2. Пересмотр или отмена основного японо-советского договора (очевидно, Портсмутского).

3. Представление прав на рыболовство.

4. Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги.

5. Разрешение мирной деятельности Советского Союза в Маньчжурии, Внешней Монголии, Китае и других частях великой Восточной Азии.

6. Признание советской сферы интересов во Внутренней Монголии.

7. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

8. Отмена «антикоминтерновского пакта».

9. Отмена тройственного пакта и тройственного соглашения.

10. Уступка Южного Сахалина.

11. Уступка северных Курильских островов».

Заметим, условия, на которые добровольно шло японское руководство в сентябре 1944 г., были значительно шире тех, которые содержались в Ялтинском соглашении.

Сигэмицу рассмотрел и пять вариантов возможных после окончания войны. Один из них гласил: «В том случае, если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключён общий мир при посредничестве Советского Союза, мы примем все требования Советского Союза».

Назначенный в апреле 1945 г. глава японского МИДа Того, следуя своему предшественнику Сигэмицу, вновь пытался соблазнить СССР территориальными уступками. Начался лихорадочный обмен телеграммами между Токио и японским посольством в Москве. Цель – склонить СССР к посредничеству в деле заключения сносного для Японии мира на Тихом океане, отказываясь верить, что Советский Союз устоит перед щедрыми уступками на Дальнем Востоке.

Несмотря на катастрофическое положение совещание 8 июня 1945 г. при императоре единогласно принимает решение вести борьбу до победного конца, несмотря на возможные многочисленные человеческие жертвы. Лишь вступление в войну Советского Союза привело японское руководство в чувство. 5 апреля 1945 г. В.В. Молотов сделал японскому послу Сато заявление о намерении советского правительства денонсировать пакт о нейтралитете, в полном соответствии со статьёй третьей этого договора. В заявлении содержалась ясно изложенная претензия Советского Союза правительству Японии, которая давала СССР основание считать пакт утратившим силу. 8 августа 1945 г. Молотов вручил японскому послу заявление об объявлении Японии войны с 9 августа.

В обращении И. Сталина к народу 2 сентября 1945 г. по поводу капитуляции Японии также содержалось прямое обвинение японского руководства в агрессии: «Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели».

История именем Международного военного трибунала, представлявшего одиннадцать государств, установила истину, вписав в свой приговор: «... Несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией как участник заговора против СССР и выжидала благоприятного момента для того чтобы воспользоваться им. Во всяком случае, она намеревалась приурочить своё нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне.

Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией более выгодными, подписала пакт о нейтралитете, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР.

«Нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР.

Доказательства, предъявленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, заключённым с СССР, оказывала значительную помощь Германии.

Трибунал признал, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что её целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке.

К весне 1942 г. штаб Квантунской армии разработал план военного управления советскими районами, подлежащими оккупации со стороны Японии. С одобрения Умэдзу этот план был передан в генеральный штаб. В него входили такие разделы: администрация, поддержание мира и порядка, организация промышленности, денежное обращение, связь и транспорт. Трибунал признал, что высшие должностные лица Японии занимались весь период войны шпионажем против СССР в пользу Германии, чинили всевозможные препятствия советскому судоходству. Трибунал расценил эти факты как нарушение договора о нейтралитете.

Такова была оценка японского «нейтралитета» Международным Военным Трибуналом над главными военными преступниками. Таков был его вердикт, принятый в остром противоборстве с защитниками японских военных преступников, в обстановке разрастающейся «холодной войны». Таков был суд истории, не подлежащий пересмотру никаким «судом времени».

На этой оптимистической ноте можно было бы поставить точку. Но, как говорится, остаётся осадочек, когда наблюдаешь современную дейст-

вительность. Нынешняя политическая элита и власть предрержащие, «приватизировав» Победу советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах и широко используя её в политических целях, почему-то упорно игнорируют предложение дальневосточников внести в реестр знаменательных событий – День Победы во Второй мировой войне на Дальнем Востоке. Комиссия по борьбе с фальсификацией истории, созданная при Президенте (в неё вошёл «профессионал-историк» Н. Сванидзе), никакими активными действиями себя не проявила.

Не вызывает прилива энтузиазма деятельность Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте, который возглавил бывший ельцинский министр юстиции М. Федотов. Совет подготовил программу «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», т.е. программу десталинизации общества. По замыслу разработчиков программы, если мы придём к единому мнению относительно нашего недавнего прошлого, то сможем разобраться с насущными проблемами, самая острая из которых – глобальная разобщённость, центробежные силы, которые раздирают сегодня российский народ. Но, может быть, может быть гораздо важнее разобраться, почему в XXI веке значительное число соотечественников выражают симпатию И. Сталину? Нынешней власти, действительно, стоило бы попытаться понять, какие сигналы таким образом посылает ей народ, что надо думать о стране, а не о себе, пора прекратить обкрадывать страну в ущерб собственному народу. Конечно, такие сигналы не могут обрадовать власть. Может быть, поэтому все нынешние несчастья, беды и бесправия хотят перевести на Сталина? Не выражая симпатий к этой личности, всё же, оглядываясь назад, следует признать, что он был умнее и сильнее многих нынешних политиков не только в своих пороках и злодействах, но и в своих истинных лидерских качествах, а нынешним деятелям остаётся только его ненавидеть, ему завидовать и пытаться соскоблить его портрет из пантеона истории, но удастся ли?

Умным или наивным было ныне доживающее свой век старшее поколение, не нам судить. Люди были такими, какими их сделала трудная история страны. Они честно прожили жизнь и имеют право на свою правду. И это поколение не понимает, почему главным в новостях страны стало не то, сколько построено заводов и собрано зерна, а кто из олигархов кому продал приватизированный завод. Кому перешло в собственность месторождение нефти или очередной московский особняк. И главное, почему все деньги, вырученные в ходе бесконечной перетасовки собственности, уходят за рубеж и превращаются там в заграничные дома, квартиры, самолеты, яхты,

участки элитной земли, банковские счета? Какое всё это имеет отношение к будущему России, о котором так много говорят наверху?

Сталинизм ведь не при чём, что у нас сегодня в стране 1/3 населения находится за чертой бедности! Сталинизм не при чём, что у нас основные богатства страны находятся у 1,5–2 % населения, у 142 олигарха, что разрыв между бедными и богатыми зашкаливает все разумные пределы – 1:40! Сталинизм ведь не при чём, что за годы «реформ» в мирное время население сократилось почти на 10 млн и продолжает вымирать со скоростью 1 млн человек в год. А Дальний Восток остаётся без населения (см. перепись-2010!). Сталинизм ведь ни при чём, что у нас более 1,5 млн беспризорных, а старушки-пенсии воруют пищу в гипер- и прочих маркетах ценой своей жизни! Обидно за державу-победительницу!

Список литературы

1. Зайцев, Е.Б. Суд в Токио / Е.Б. Зайцев, Л.Н. Смирнов. – М., 1980.
2. Песков, В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века / В.М. Песков. – Хабаровск, 2000.

УДК 94(091)

Погарцев В.В.^{*}, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЭФИРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО РАДИОКОМИТЕТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Статья посвящена работе советских писателей в эфире Хабаровского краевого радиокomiteта в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хабаровский краевой радиокomiteт, советская литература.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) радиовещание играло первостепенную роль в укреплении веры советского народа в победу над врагом. Хабаровский радиокomiteт в это время становится од-

^{*} *Погарцев Виталий Васильевич* – кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

E-mail: vpoгарcev@yandex.ru

ним из центров вещания на все регионы СССР. В его эфире звучали общественно-политические, культурно-просветительские и музыкальные передачи и произведения, транслировавшиеся на всю страну.

«Говорит Москва! Говорит Хабаровск!» – эти слова в годы Великой Отечественной войны собирали у репродукторов многотысячную аудиторию. Для хабаровчан, находившихся в глубоком тылу, радио было, во первых, оперативной связующей нитью с фронтом, и всей страной; а, во вторых, рассказывало о трудовых буднях края – в помощь фронту.

Эвакуация радиостанций из Москвы потребовала полного перевода центрального вещания на короткие волны. Таким образом, хабаровский радиопередатчик вплоть до 1943 г. являлся основным ретрансляционным центром не только для регионов Дальнего Востока, но и для большинства областей Западной, Центральной и Восточной Сибири. Центральное вещание перешло от трех программ к одной. Радиопередачи звучали в основном в живом исполнении, удельный вес звукозаписи стал незначительным, что объяснялось необходимостью немедленной передачи беспрерывно поступающей информации в эфир [6].

Многие из писателей и поэтов-дальневосточников в годы Великой Отечественной войны непосредственно работали или сотрудничали с Хабаровским краевым радиокomiteтом, а особенно – с его литературно-художественным отделом. Данный отдел был организован одним из первых (еще в конце 1920-х гг.) и его деятельность была направлена на «повешение трудящегося населения Дальнего Востока» [1].

В этом отделе Хабаровского радиокomiteта в разные годы работали и представляли свои творческие новинки В.К. Арсеньев, Е.П. Долматовский, Вс.П. Иванов, А.А. Фадеев. Здесь впервые прозвучали главы из знаменитой исторической трилогии об освоении Приамурья Н.П. Задорнова. Проявили писательский талант В.П. Ажаев, П.С. Комаров, Д.Д. Нагишкин, П.М. Рогаль, С.А. Смоляков и другие.

Наиболее известными писателями, работавшими в Хабаровском краевом радиокomiteте в годы Великой Отечественной войны, были Д.Д. Нагишкин и Н.П. Задорнов. Эти люди пришли на радио примерно в одно время и оставили свой заметный след в летописи дальневосточного радиовещания.

Д.Д. Нагишкин, безусловно, являлся одним из самых ярких и талантливых людей, представлявших ХКРК в 1940-е гг. С 1940 по 1943 гг. он работал секретарем литературного радиоальманаха, а с 1944 по 1951 гг. являлся одним из редакторов литературно-художественного отдела.